

ВАРШАВСКОЕ ВОССТАНИЕ И БОИ ЗА ПОЛЬШУ 1944—1945 гг.

XX военные
тайны
века

И.Л. ПЛИСКО

Николай Леонидович Плиско
Варшавское восстание и бои
за Польшу 1944—1945 гг.
Серия «Военные тайны XX века»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=55747384

*Варшавское восстание и бои за Польшу 1944—1945 гг. / Н.Л. Плиско:
Вече; Москва; 2017
ISBN 978-5-4484-8253-3*

Аннотация

О Варшавском восстании 1944 года за последнее время много написано – воспоминаний, исследований, интервью с участниками.

В этой книге сделана попытка посмотреть на истоки Варшавского восстания в свете недавно рассекреченных архивных документов и воспоминаний участников событий.

Жестокое подавление Варшавского восстания 1944 года ничему не научило эмигрантов из лондонского «польского гетто». Они продолжали активничать и вполне серьезно считали себя правительством. Только в эмиграции.

Но эти расчеты не оправдались. В книге впервые рассказывается о проведенной советской разведкой операции

«Изъятие», в результате которой польские авантюристы навсегда сошли с политической арены.

Содержание

Часть 1	6
Предисловие	6
Не пустить русских в Европу!	8
Подготовка	20
«Выстрели русскому в спину!»	31
Накануне начала	42
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Николай Плиско
Варшавское восстание
и бои за Польшу
1944—1945 гг

Знак информационной продукции **12+**

© Плиско Н.Л., 2017

© ООО «Издательство «Вече», 2017

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2020

Сайт издательства www.veche.ru

Часть 1

Восстание обреченных

Предисловие

О Варшавском восстании 1944 года за последнее время написано достаточно много. Выходили десятки книг, сотни статей, воспоминаний и интервью с самыми разнообразными участниками этого события.

Приложили руку к этому и польские киношники. Тема оказалась весьма благодатной, да и сами фильмы были сделаны талантливо. Прекрасные актеры великолепно показали героизм польского народа, его способность к самопожертвованию и подвигу во имя свободы отчизны.

Не показали авторы фильмов только одного: почему же проиграли такие прекрасные люди и настоящие герои? Кто виноват в поражении восстания?

Этот самый важный вопрос старательно обходится в большинстве публикаций, посвященных восстанию, и совершенно забыт в фильмах. Видя героическую борьбу повстанцев, зритель получает довольно сильное эмоциональное воздействие, ему кажется, что все было прекрасно спланировано и первое время шло отлично, но русские не захотели помочь,

и немцы жестоко подавили восстание польских патриотов.

О том, что это восстание было чистейшей политической авантюрой группы проигравшихся политиков, в Польше сегодня просто боятся говорить. Вспоминают об отдельных эпизодах, но никто не говорит о самом главном: зачем было устроено это восстание, за что погибли более двухсот тысяч (!) варшавян, кто толкнул их на эту авантюру, какую пользу она принесла польскому народу.

Ведь по сути это был тот же бездарный и совершенно неорганизованный бунт, что и январское восстание 1863 года. Это было восстание обреченных.

И, как и в том бунте, пострадали в основном его рядовые участники, искренне поверившие пылким речам политических демагогов.

Историкам хорошо известны подлинные причины Варшавского восстания, но рядовой читатель все еще находится под влиянием популярной пропагандистской литературы и действительно талантливых, но не передающих всей правды фильмов.

Не пустить русских в Европу!

В конце 1943 года проблемы послевоенной Европы стали все больше заботить англичан, военный кабинет Черчилля.

Если в 1941 году еще были серьезные опасения, что, в случае поражения России, неминуем и разгром Англии, то вскоре, однако, стало ясно: Советская Россия оказалась куда сильнее, чем думали, и мощь ее все возрастает...

И то, что казалось таким отдаленным еще год назад, требовало сейчас немедленного вмешательства. Теперь приходится страшиться не поражения России, а ее сокрушительной победы над фашизмом...

В связи с этим положение в Польше все больше тревожило Лондон и Вашингтон. Советские армии вплотную приблизились к польским границам, и теперь нельзя было медлить ни одного дня. Невозможно было допустить, чтобы страна ушла из-под влияния Запада. Как и до войны, Польша должна быть первым и главным заслоном от большевистской опасности. А сейчас, с приближением советских войск к старой границе, эта опасность с каждым днем возрастала.

Было совершенно ясно всем: большевики не должны проникнуть в Европу. Это станет угрозой для всей цивилизации. Но если же в Польше придут к власти сторонники довоенного режима, то вступление русских в Европу будет затруднено, считали англичане.

Значит, надо немедленно предпринять практические шаги в этом направлении и действовать решительно. Время, время...

Советские войска уже завязали бои на территории Польши.

Впрочем, попытки остановить русских в их триумфальном наступлении уже делались и раньше.

Первой из них был разработанный Черчиллем «балканский вариант». Выглядел он красиво: англо-американские войска высаживаются в Греции и острым клином стремительно идут на север – занимают Вену, пересекают Польшу и доходят до Балтики, ставя на пути большевистских орд непреодолимый заслон европейской цивилизации.

Серьезного противодействия германских войск не ожидалось – их там было мало, а итальянцев и венгров, союзников Гитлера, в расчет можно было не принимать – это не вояки...

В качестве ударной силы можно использовать армию Андерса, предусмотрительно еще в 1942 году выведенную из России. В конце концов именно англичане настаивали на ее эвакуации, не зря они так заботились о ней, даже форму полякам сшили из своего добротного сукна, но по их образцам – по головке погладили...

Только вот в ответ на предложение Черчилля произвести высадку десанта в Истрии, захватить Триест и вторгнуться с юга в Центральную Европу Рузвельт с иронией ответил: «Я всегда помню элементарное правило геометрии – прямая

есть кратчайшее расстояние между двумя точками».

Этим американский президент подчеркнул, что он настаивает на вторжении в Южную Францию.

Так рухнул первоначальный план Черчилля прорваться на Вену и дальше на север, к Балтике, чтобы оказаться там раньше русских.

В Лондоне рассматривались и другие варианты. Нелишним казалось создать на востоке Европы некое новое славянское государство, естественно, под руководством Великобритании. Это стало бы новым воплощением старой идеи о создании «санитарного кордона» против большевиков.

Базой такой федерации, враждебной Советскому Союзу, могли бы быть Польша и Чехословакия. Оба эмигрантских правительства этих стран ютятся в Лондоне и получают здесь жалование. С ними будет договориться легко...

Такое новообразование Черчилль, не открывая, естественно, его враждебности к СССР, назвал «объединением Придунайских стран». Он огласил эту идею на Тегеранской конференции глав трех государств, одновременно предложив после войны передать Восточную Пруссию Польше.

Сталин прекрасно понял затаенное желание британского премьера и решительно ему воспротивился. Советского лидера поддержал и Рузвельт. Единственное, на что пошел Сталин тогда, это поделить территорию бывшей Восточной Пруссии между СССР и Польшей. Это не отвечало желанию Рузвельта, но он согласился со Сталиным.

Затем появился и еще один план, выдвинутый какими-то горячими головами: высадить в Польше британский воздушный десант. Но эту идею даже не стали обсуждать на заседании военного кабинета – практически осуществить ее было невозможно, десант был бы сразу же уничтожен после приземления, ведь поддержки ему оказать было нельзя.

Оставался единственный вариант – опередить русских и захватить Варшаву внутренними польскими силами. Нельзя допускать, чтобы правительство во главе с Берутом, созданное в Люблине, обосновалось в Варшаве. Давно известно, что власть принадлежит тем, кто занимает здание правительства...

Значит – придется делать ставку на «здоровые силы» Польши, как с пафосом любили называть себя польские эмигранты в Лондоне. Именно теперь особенно пригодится эмигрантское правительство, уютно угнездившееся в Лондоне. Его вполне можно считать «здоровыми силами», враждебными Советскому Союзу. Оно здесь, под рукой, и вполне доказало свою послушность и управляемость.

На этом варианте решили и остановиться.

В Лондоне очень надеялись, что русские вряд ли подозревают, какая пилуля ожидает их в Варшаве. Генерал Коморовский получит задание поднять там восстание, как только русские войска приблизятся к городу.

Черчиллю нравилось и поведение премьера Миколайчика: он ведет себя как дрессированный пес. К приходу рус-

ских в Варшаве будет существовать правительство, угодное Лондону. Надо только заранее послать в Варшаву нескольких будущих министров...

Все это, конечно, хорошо, но теперь надо думать о том, как воспрепятствовать вступлению русских в Польшу. И здесь главным инструментом должно стать польское эмигрантское правительство. В последний момент оно станет у власти в Варшаве. Эту идею английский премьер еще в 1943 году изложил польским эмигрантам.

И Миколайчик, и Сикорский поняли Черчилля с полуслова. Такие вещи им не нужно долго разъяснять. Хорошо подготовленная польская эмигрантская почва с восторгом приняла брошенные в нее Черчиллем семена. Вскоре они дали богатые всходы.

В польском подполье, в стране тоже понимали, что международная обстановка стремительно меняется. И реальность происходящего совершенно не соответствовала прогнозам лондонских эмигрантских политиков. У руководителей подполья появились серьезные опасения относительно своего ближайшего будущего.

Еще 19 июня 1943 года, незадолго до своего ареста гестапо, командующий АК генерал Ровецкий (Калина) отправил Верховному главнокомандующему польскими вооруженными силами генералу В. Сикорскому очень важное письмо, касавшееся польско-советских отношений. Он писал:

«Я отдаю себе отчет в том, что политические обстоятельства могут вынудить Правительство заявить о желании достичь договоренности с Россией даже при отсутствии веры в возможность таковой в данный момент. Считаю, что эта готовность к соглашению должна поддерживаться решительной позицией Государства, что соглашение возможно только в случае признания наших восточных границ до 1939 года, а также обеспечения полного суверенитета Речи Посполитой...»

(Интересно, кто же будет обеспечивать этот «полный суверенитет»? Лондонские господа в потертых фраках?) ...

С чисто военной точки зрения, необходимо, скорее всего, готовиться к худшей для себя возможности, а именно видеть в России, скорее всего, нашего врага, а не союзника. Единственной целесообразной и обоснованной позицией в отношении к России является, кроме того, и наша реально существующая оборонительная позиция, а именно, принципиально враждебная...

Калина».

В ответ на это послание польское эмигрантское правительство в Лондоне направило генералу Ровецкому директиву, в которой говорилось, что если советские войска, изгоняя оккупантов, войдут в пределы границ Польши, то «вступле-

ние Красной Армии как враждебный акт должно встретить с нашей стороны вооруженный отпор».

Вследствие этого Ровецкий издал приказ, в котором ставилась задача:

«...задержка продвижения русских войск путем уничтожения коммуникаций вплоть до линии Вислы и Сана;

борьба везде, где будут существовать для нас хотя бы минимальные шансы;

там, где этих шансов не будет, оставлять в подполье вооруженные отряды, готовые к выступлению против России в нужный момент по приказу главнокомандующего».

Во исполнение этих распоряжений в тылу советских войск были оставлены ушедшие в подполье части АК и несколько десятков подпольных радиостанций.

Но дело опять застопорилось. Привести в действие подобный приказ оказалось почти невозможно. А чуть позднее судьба генерала Ровецкого стала стандартной для руководителей польского пролондонского подполья. При помощи агентов, обильно внедренных в руководство АК, его арестовали и поместили в концлагерь Заксенхаузен.

Там с ним стала проводиться определенная работа. Убежденность польского генерала в том, что у Польши и Германии один враг – Россия, очень нравилась немцам.

Ровецкому приказали составить письменную справку о

деятельности и структуре АК. Это было нужно Гиммлеру – он уже тогда задумывался о создании отрядов вервольфа – немецких партизан.

Польский генерал образцово выполнил задание; он надеялся, что с немцами, как и раньше, АК найдет общий язык.

Но о возне с поляками узнал Гитлер, и Гиммлеру пришлось отказаться от тесного сотрудничества с АК. Ровецкий стал больше не нужен, и его весьма буднично пристрелили.

Новый командующий АК генерал Бур во всем следовал линии своего предшественника. На одном из подпольных совещаний осенью сорок третьего года он призывал:

«Чем дальше находится русская армия, тем лучше для нас. Мы не должны поднимать восстания против Германии до тех пор, пока она держит русский фронт, а тем самым и русских вдали от нас...»

Следующим выводом является то, что мы должны быть готовы оказать вооруженное сопротивление русской армии, вступившей в Польшу... Мы хотим избежать борьбы с немецкой армией... В данном случае ослабление Германии как раз не в наших интересах».

И генерал Окулицкий, начальник запасного штаба Армии Крайовой, созданного на случай провала генерала Бура, дал в это время следующую директиву командирам подпольных частей:

«Всем вашим подчиненным должно быть разъяснено, что большевики продолжают оставаться врагами Польши. Они хотят превратить Польшу в свою республику, чтобы потом сослать всех поляков в Сибирь».

Через своих агентов эту директиву получило и гестапо, чему очень обрадовалось.

Были и другие донесения в Лондон о деятельности Армии Крайовой и положении в стране. Новый командующий АК генерал Бур-Коморовский с тревогой сообщал:

«Сильная агитация с помощью ППР и московской радиостанции им Костюшко направлена на уменьшение доверия польского народа правительству Речи Посполитой и союзникам. Все отчетливее пропагандируется лозунг строительства Польской Республики при помощи войск Сталина и включения Польши в рамки СССР.

...Резко усилилась деятельность советских партизанских отрядов. Значительная часть восточных областей (Новогрудская, Виленская, Полесье) захвачена советскими отрядами... Они хотят произвести впечатление, что данные области управляются ими, а не немцами.

Неоднократно отдельные партизанские отряды ищут контактов, пробуют наладить взаимодействие с отрядами Вооруженных Сил в стране. Большая группа советских

партизан, именуемая «Бригада В. Ленина», даже начала переговоры с командованием округа Новогрудек об организации тесного взаимодействия. С аналогичным предложением выступили также отряды советских партизан на территории Виленского округа...

Для направления подобных акций по правильному пути командирам Виленского и Новогрудского округов отдан специальный приказ (от 30.6.43), четко определяющий условия возможного сотрудничества, в частности:

А) сотрудничество с советскими партизанами возможно только как локальное взаимодействие против общего врага – немцев (или Германии);

Б) советские партизаны обязаны рассматривать нас как единственных и законных хозяев этих территорий, составляющих часть Республики;

Г) советские отряды должны вести себя в Польше как в союзническом государстве и прекратить всякие выступления против польских граждан;

Д) только в такой плоскости может вестись разговор о взаимных услугах по вопросам:

- предупреждения о немецких акциях,*
- информирования о немецких отрядах, полиции, жандармерии и гестапо,*
- взаимном обеспечении».*

Этот документ не просто удивляет – он поражает. До ка-

кой степени надо не ориентироваться в обстановке, не знать реального положения вещей, чтобы писать подобные бумаги. И, естественно, советские партизаны, ознакомившись с этими «требованиями», просто перестали иметь дело с аковцами, поскольку никакой реальной пользы в борьбе с немцами от этих людей они не видели. Да и какая может быть польза от нескольких болтунов, выдающих себя за власть и по-тихому прислуживающих гитлеровцам?

Поэтому в конце своего послания Коморовский с грустью и горечью констатирует:

«После уточнения наших позиций о взаимодействии с советскими партизанами и временною, с учетом военных действий, разрешения их пребывания на наших землях на условиях союзнических отрядов, представители советских партизан прервали начатые с нами переговоры».

Вот уж верно! Кому охота вести переговоры с идиотами, воображающими себя хозяевами страны и прячущимися по лесам и хуторам? Они, видите ли, должны дать свое разрешение на пребывание советских партизан в этой местности!

* * *

Весной 1944 года с аэродрома Бриндизи в Южной Италии поднялся английский самолет. Через несколько часов он был

уже в районе Варшавы. Стояла глухая ночь. Штурман дал сигнал, и группа парашютистов покинула самолет. На земле их встретили связные из Армии Крайовой и доставили в варшавский пригород на нелегальную квартиру.

Это были лондонские министры. Вместе с ними в Варшаву прилетел английский советник, выдававший себя за летчика, бежавшего из немецкого плена.

Подготовка

К приходу во власть эмигрантское правительство готовилось само и активно. Конечно, не обошлось тут и без традиционного шляхетского хвастовства. Лондонцам не терпелось показать, что они располагают собственной и значительной вооруженной силой.

Ведь уже к концу 1940 года мелкие группы и организации, имевшие связь с лондонскими поляками и им подчинявшиеся, стали называться «лондонским правительственным подпольем», а самые развязные эмигрантские публицисты даже выдумали хлесткое название – «польское подпольное государство».

Это виртуальное псевдогосударство состояло из трех основных элементов: военной организации (Союз вооруженной борьбы – Армия Крайова), структур подпольного государственно-административного аппарата и некоторых патриотических, чаще всего молодежных, организаций.

Подпольной жизнью должна была руководить Делегатура правительства в стране, представляющая собой законспирированный административный аппарат.

По польской традиции в этой подпольной администрации были представители всех крупных довоенных политических партий. Естественно, что и сюда они принесли свои партийные разногласия, споры и склоки.

Но все эти организации провозглашали громкие общепатриотические лозунги, призывавшие к борьбе с оккупантами за независимость, что обеспечивало им поддержку разных слоев населения и общественных классов.

Особенно подобные громкие слова действовали на политически незрелую, но патриотически настроенную молодежь.

Принципиальной целью АК была подготовка условий для захвата власти в освобожденной Польше эмигрантским правительством. И самым удачным способом достижения этой политической цели считалось всеобщее восстание, которое должно начаться по приказу Главной комендатуры АК.

Руководство АК слишком долго рассчитывало на повторение ситуации конца Первой мировой войны. Наивно предполагалось, что немцы будут разбиты на Западе и их деморализованные войска покинут польские земли. Как в ноябре 1918 года.

Но летом 1943 года всем стало совершенно ясно, что фронтом, который принесет освобождение Польше, будет Восточный фронт. Это совершенно решительно подтверждали и штабы союзников, признавая польскую территорию частью стратегической территории Красной Армии, с которой и следовало согласовать сферу деятельности АК и от которой можно было получить непосредственную помощь.

Несмотря на явную необходимость приспособить свою деятельность к совершенно новой ситуации, доктрина двух

врагов являвшаяся идеологическим компасом руководящих кругов пролондонского подполья, была не только не отброшена, но даже и не пересмотрена.

Осенью 1943 года руководство АК, понимая, что им это не по силам, решило изменить план, заменив всеобщее восстание рядом усиленных военно-диверсионных действий (план «Буря»). План, составленный в тиши лондонских кабинетов, был строен, конкретен, даже красив, но – совершенно нерелевантен.

Согласно этому плану, объектами ударов должны были стать последние части немецких войск, изгоняемых с польской земли Красной Армией.

Политической целью плана были захват местностей и важных территорий до вступления туда советских войск и появления перед ними в роли хозяев этих территорий представителей лондонского правительства.

Это был более узкий проект, чем предыдущий план всеобщего восстания, он постепенно должен был охватывать районы перемещающегося фронта, захватывая освобожденные местности.

План предусматривал, что после отступления немцев из небольших польских городов и селений и до того, как туда войдут советские войска, надо установить там власть эмигрантского правительства. Пришли русские – а мы уже тут, мы – начальство. И без нашего разрешения – ни-ни...

Идиотизм этого плана был непонятен только в лондон-

ском «польском гетто».

Поскольку цель была определена достаточно точно, из этого вытекало задание организации текущей организационно-учебной борьбы, т. е. ее преимуществом над настоящей реальной борьбой. Как это должно теперь происходить, четко было объяснено в одном из номеров вестника АК «Информационный бюллетень» от 11 февраля 1943 года.

Именно в этом выпуске появилась программная статья «С оружием к ноге».

Однако тактика выжидания совершенно не соответствовала всеобщему желанию активной борьбы молодых солдат польского подполья.

И это несоответствие политических целей начальников желанию солдатских масс было особенно заметно в связи с призывами левых сил активно бороться с оккупантами.

Это быстро поняли в лондонском «польском гетто». В «Информационном бюллетене» от 1 апреля 1943 года появилась следующая программная статья «Вооруженная акция? Да – но ограниченная!».

Возникла и новая идея: вернуться к власти в Польше с помощью англичан. Пусть они окажут мощный нажим на Сталина, предъявят ему ультиматум – польское эмигрантское правительство из Лондона должно переместиться в Варшаву и принять власть. А русские пусть продолжают воевать с немцами, заливая кровью европейские поля, полякам до этого нет никакого дела.

Лондонским полякам очень хотелось вернуться в Польшу на белом коне победителя. И, по их мнению, путь для этого был только один: надо, чтобы Черчилль предъявил ультиматум Сталину об их возвращении во власть.

Вариант очень заманчивый, но его осуществление было возможно лишь при одном условии: сам Черчилль должен выступить с таким ультиматумом к Сталину – вернуть эмигрантских министров к власти.

Но Черчилль-то знал прекрасно, что Сталин не отдаст Польшу этим жалким лондонцам, этому коллективному Никодиму Дызме¹.

Черчилль был реальным политиком, хотя иногда его прагматизм граничил даже с цинизмом. И в этом направлении шла его политика сотрудничества с советским союзником.

Реальную цену своим польским лондонским союзникам англичане прекрасно знали. Их уже не удивляли кичливое хвастовство и непомерные амбиции проигравшихся польских политиков. Но, когда те перебирали меру, англичане реагировали достаточно остроумно.

В январе 1944 года всю британскую печать обошла злая карикатура, представляющая наступающих через снежные

¹ Никодим Дызма – герой вышедшего в 1932 году сенсационного романа польского писателя Т. Доленги-Мостовича «Карьера Никодима Дызмы», – недоучка, лентяй, авантюрист, вор и мошенник. Это человек стал символом правившей до войны в Польше «элиты» пилсудчиков. В польской литературной критике появился даже термин «дызмизм», обозначающий выдвижение на высокий государственный пост человека недостойного, бездарного и ничтожного.

сугробы измученных в боях советских солдат – и закутанного в теплую роскошную шубу поляка, загораживавшего им путь и державшего в руках целую кипу карт, меморандумов и пактов.

Это была прекрасная иллюстрация к средневековому шляхетскому «Не позволяем!». Главари польской эмиграции на эту карикатуру никак не отреагировали, скромно промолчав. И это было понятно: у польского правительства для скромности были все основания.

Однако отмалчивались они недолго. Не могли они унять-ся. С настойчивостью, достойной лучшего применения, они продолжали бомбардировать английский кабинет своими требованиями. В конце концов Черчиллю это надоело.

И 7 января 1944 года, чтобы приструнить своих польских клеветов, премьер направил специальную записку по этому вопросу в английский МИД.

В ответ на польское давление и шантаж премьер-министр Англии заявил довольно жестко:

«...Без русских армий Польша была бы уничтожена или низведена до рабского положения, а сама польская нация стерта с лица земли. Но доблестные русские армии освобождают Польшу, и никакие другие силы в мире не смогли бы этого сделать... Он (поляки), должно быть, очень глупы, воображая, что мы собираемся начать новую войну с Россией ради польского восточного фронта. Нации, которые

оказались не в состоянии защитить себя, должны принимать к руководству указания тех, кто их спас и кто представляет им перспективу истинной свободы и независимости».

Получив такое послание, лондонцы несколько притихли, и главными аспектами деятельности АК стали обучение кадров, саботаж и разведка в пользу союзников (англичан исключительно), а с весны 1943 года – ограниченные партизанские и диверсионные действия; в основном – в характере самообороны, а в городах – отдельные покушения.

Этой ограниченной борьбой руководил созданный в конце 1942 года специальный отдел, названный «Руководство диверсиями» (сокращенно – Кедыв), его личный состав набирался, в основном из молодежи – активной, патриотичной и политически совершенно невинной.

Они слепо верили своим наставникам. Особенно «хорошо» эти ребята проявили себя в день начала Варшавского восстания. Они вламывались в квартиры, где находились семьи немцев и украинцев – отцы по тревоге заняли свои боевые посты, – и вырезали всех поголовно – не щадя ни женщин, ни детей. Действовали только холодным оружием – патроны надо было беречь, их было мало.

Получив щелчок от Черчилля, лондонские поляки метнулись за помощью к Соединенным Штатам, послав туда специальную делегацию во главе с новым премьер-министром.

Миколайчик в тот момент чувствовал себя крупным, исторической величины, политическим деятелем, спасителем несчастного отечества. Сколько их уже было в польской истории!

С поездкой в США польский премьер очень торопился – стало известно, что в ближайшее время в Москву на переговоры отправляется американский госсекретарь Хелл. Это надо было использовать.

Перед самым отъездом Хелла в Москву в госдепартамент явился польский посол Цехановский. Он передал американцам меморандум правительства Миколайчика.

Госсекретарь США Хелл летел в Москву вместе с министром иностранных дел Великобритании Иденом и прямо в самолете познакомил англичанина с содержанием документа.

В меморандуме высказывалась мысль, что для послевоенной Европы будет крайне нежелательным вступление советских войск в Польшу. Чтобы предупредить это, авторы меморандума предлагали заранее разместить там англо-американские части.

Для этого следовало договориться с русскими, нажать на них, пригрозить, что в случае неблагоприятного ответа может задержаться открытие второго фронта, прекратятся военные поставки...

Идею эту польские деятели подавали под лозунгом: «Все ради Польши, ради Польши»... Верили ли они сами в эти

заклинания?

Короче – надо перебросить войска союзников в Советскую Россию. Пусть они вступят в Польшу хотя бы одновременно с русскими. Так сказать, символически...

Американцам идея понравилась, но на московском совещании советская сторона наотрез отказалась даже вести переговоры на эту тему.

Впрочем, американцы и сами давно втайне вели подготовительную работу по проникновению в Польшу и противодействию советскому там влиянию.

Уже в конце 1942 года в США началась активная подготовка агентов для заброски в Польшу.

Довольно типичной была в этом отношении история двух молодых поляков, американских граждан. Когда в конце 1941 года США вступили в войну, их призвали в армию, а затем зачислили на курсы, организованные Управлением стратегических служб. Там их стали обучать в качестве радистов для нелегальной заброски в Польшу.

Курсантов обучали прыжкам с парашютом, приему и передаче радиограмм. Им читали лекции по истории Польши с националистических, антирусских и антисоветских позиций. Преподаватели объясняли, что польское эмигрантское правительство в Лондоне добивается, чтобы в результате этой войны с помощью Англии и США была создана «Великая Польша – от моря и до моря».

Несколько учащихся курсов так возмутили эти действия,

что они решили в знак протеста прервать учебу и хотели подать рапорты командованию с просьбой их отчислить.

Но затем приняли другое решение. Двое курсантов пришли в советское посольство в Вашингтоне и принесли карту такой «Великой Польши», в которую включались не только Западная Белоруссия и Западная Украина, но и большая часть Южной Украины, в том числе вся Одесская область.

Все эти фантастические планы польских националистических руководителей вызвали особое возмущение у двух молодых поляков, пришедших в посольство.

Когда Япония атаковала Перл-Харбор, начав войну с Соединенными Штатами, в США прибыл новый посол Советского Союза Максим Литвинов.

Госсекретарь Хелл возлагал большие надежды в связи с этим приездом. Сейчас Москва становилась союзником США, и американский чиновник решил воспользоваться моментом.

Прежде чем принять русского дипломата, Хелл долго консультировался с представителями Пентагона. Пришли к единому мнению: на русских следует оказать давление. Может быть, поляки правы? Надо потребовать от русских военные базы на Камчатке и под Владивостоком.

Это имеет не только стратегическое значение. Наличие американских баз на советском Дальнем Востоке позволит быстрее втянуть Россию в войну с Японией. Если Литвинов станет упираться, ему придется намекнуть, что от этого бу-

дут зависеть размеры американской военной помощи русскому союзнику.

Но совершенно неожиданно советский посол занял непримиримую позицию, прямо заявив, что метод давления и мягкого шантажа недопустим в отношениях военных союзников. И добавил, что не в традициях его страны уступать советскую территорию кому бы то ни было.

Также ничем окончились переговоры с русскими по поводу хромовых руд и чиатурского марганца. Промышленная группа Гарримана настаивала на том, чтобы потребовать от русских возвращения американским фирмам ликвидированных когда-то концессий на Кавказе. За это обещали военную помощь. Ведь русские нуждаются в помощи.

Но Литвинов снова ответил решительным отказом.

– Мы не торгуем недрами, мистер Хелл, – сказал он, – так же, как базами. Давайте говорить о прямых кредитах.

Хелл вспомнил переговоры с Черчиллем о базах в обмен на старые эсминцы. Черчилль был куда сговорчивее...

Нет, все-таки странный народ эти русские...

«Выстрели русскому в спину!»

Среди польской эмиграции у англичан, естественно, были свои осведомители.

Секретарь Миколайчика частенько заглядывал к полковнику Перкинсону, который возглавлял один из многочисленных отделов Интеллидженс сервис. Порой секретарь просто выполнял поручения своего английского шефа.

Поэтому секретный приказ генерала Коморовского, который возглавлял подпольную Армию Крайову в Польше, сразу же попал к английскому руководству и лег на стол Черчилля.

В этом приказе за № 16 главком подпольной армии предписывал своим людям беспощадно расправляться с польскими и советскими партизанами – со всеми, кто поддерживает русских. Для этого следовало вступать в деловые отношения с НСЗ (Народовы Силы Збруйне) – национальными вооруженными силами, польскими фашистским отрядами, связанными с гестапо, пользоваться их услугами.

А через несколько дней агент принес своим английским хозяевам новый приказ генерала Коморовского. Теперь он приказывал своим подпольным штабам просто объединиться с НСЗ. «Это внесет в ряды Армии Крайовой новый дух», – писал генерал в приказе. Польский генерал не стеснялся вступить в сговор с немцами.

Следующий приказ по Армии Крайовой требовал оказывать сопротивление частям советской армии, которые уже вступили в Польшу. Польский генерал прямо приказывал своим подчиненным стрелять в спину советским солдатам.

Вскоре стали поступать оперативные донесения: начальник диверсионного отдела штаба Армии Крайовой полковник Филдорф приступил к работе. В тылу советской армии начались диверсии и убийства советских солдат и офицеров.

Несмотря на различия в тактике и трения между отдельными главарями эмиграции в Лондоне и подполья в Польше, все руководство эмигрантских группировок было едино в своем стремлении достичь главной цели: удержать власть в Польше в руках национальной буржуазии.

Но их вожаки понимали, что после образования Польского комитета Национального Освобождения (ПКНО) и поддержки его Советским Союзом захватить власть на условиях прямой конфронтации с СССР будет нелегко или вообще невозможно. Поэтому они стремились создать такую ситуацию, которая побудила бы западные державы оказать давление на СССР и вынудить его пойти на уступки в пользу эмигрантского правительства.

А с этим правительством СССР уже год как разорвал дипломатические отношения.

АК развернула активную диверсионную деятельность в тылах советских войск. Естественно, тут же последовала немедленная реакция советских властей. Аковцев интерни-

ровали и разоружали.

В западной прессе, обычно остро реагирующей и всячески раздувающей любой негатив о России, о разоружении отрядов АК в тылу советских войск говорилось немного, поскольку британская и американская армии также не допускали в своих тылах в Италии, Франции, Бельгии и других странах наличия вооруженных партизанских отрядов или других подпольных организаций.

* * *

Эмигрантское правительство в Лондоне решило предпринять что-нибудь экстраординарное, чтобы заставить «безучастный» Запад возмутиться. Когда политические результаты «Бури» не оправдали надежд, возникла необходимость организовать «события особого значения».

Еще до начала восстание из Лондона в Польшу прибыл связной главного штаба АК Ян Новак. В своих воспоминаниях он откровенно пишет о беседе с генералом Окулицким, состоявшейся незадолго до начала восстания.

«Во время разговора о восстании Окулицкий обмолвился об одном моменте, совершенно для меня новым. Буквально в последние недели перед восстанием было принято решение о передислокации штаб-квартиры и командования АК с Мокотува на фабрику Камлера на Воле (западная часть Варшавы), хотя помещение на Мокотове уже давно готовилось

на случай всеобщего восстания.

Воля была районом городской бедноты, местом жительства железнодорожных служащих, рабочих депо и мелких торговцев.

Эта часть Варшавы с ее старенькими кирпичными домиками, лавчонками и какими-то заброшенными складами имела большое значение для повстанцев, поскольку господствовала над всей западной частью города, над железной дорогой, соединяющей польскую столицу с Познанью и Берлином.

Вероятнее всего, именно отсюда будут поступать германские подкрепления для борьбы с повстанческой армией. Этот район граничил с еврейским гетто.

Выбрали именно фабрику Камлера, так как комплекс ее зданий лучше подходил для опорного пункта сопротивления и мог выдержать какое-то время небольшую осаду. Здесь должен был разыгаться последний акт восстания – легализация перед входящими русскими как полноправных хозяев на польской земле вице-преьера – делегата правительства, трех министров, председателя Рады Едности Народовой и командующего АК вместе со всем штабом.

После занятия Варшавы советскими войсками фабрика Камлера в ходе переговоров с русскими должна была представлять собой как бы экстерриториальный анклав. При этом никто не имел ни малейших сомнений, что вся группа будет тут же арестована».

И вот тогда, заявил далее Окулицкий, гарнизон фабрики должен оказать сопротивление. Поэтому в него включились отборные и наилучшим образом вооруженные отряды «Кедыва», т. е. боевой диверсионной службы, он располагал также мощной радиостанцией, с тем чтобы вовремя дать сигнал «SOS!» в Лондон и вызвать там, как буквально сказал генерал, «скандал мирового масштаба».

Похоже, генерал Окулицкий действительно искренне верил, что Запад только и думает о том, как помочь польскому эмигрантскому правительству вернуться к власти, и для этого западные державы могут даже вступить в вооруженное противостояние с Советским Союзом.

Совершенно ясно, что лондонские польские провокаторы готовили для командования Советской Армии, освобождавшей Варшаву от гитлеровцев, политическую ловушку.

Советское командование должно было либо согласиться с существованием экстерриториального анклава эмигрантского правительства и тем самым фактически признать его власть или хотя бы легальное существование в Польше, либо ликвидировать его силой оружия, что имело бы весьма сложные международные политические последствия.

Возможно, пониманием этого щепетильного момента и объясняется решение советского и польского командования о направлении 1-й армии Войска Польского на Магнушевский плацдарм, южнее Варшавы, с тем чтобы именно она первой вступила в столицу. Решение проблемы в этом слу-

чае оказалось бы в руках самих поляков и утратило бы международный характер.

Но это одновременно говорило и об успехах советской разведки. Она прекрасно знала, что происходит в эмигрантском Лондоне.

Взять власть в столице Польши и создать там нечто вроде временного правительства считалось наиболее эффективной демонстрацией. Появление этого правительства в роли хозяина столицы и, следовательно, страны должно было поставить КРН и ПКНО, а также Красную Армию перед свершившимся фактом, последствия которого были бы необратимы.

Была и еще одна попытка со стороны англичан подстраховаться.

Время от времени в адрес аковцев направлялись английские и американские самолеты с грузом оружия, взрывчатки и военного снаряжения.

Были и парашютисты – посланцы польского Лондона. Им присвоили романтическое название «тихо-темные». Поляки очень любят громкие красивые слова и театральные позы!

Рейсы эти были довольно редкими и нерегулярными. А с посадками было вообще плохо. Экипажи просто отказывались идти на риск, совершая посадку в незнакомой местности на необорудованных площадках. Да и откуда знать, кто их ждет на земле? Польские партизаны или специальные карательные части СС?

Поэтому всего с 1941 года таких самолетов, прибывших в Польшу из итальянского города Бари, занятого союзниками, и совершивших там посадку, было всего три.

Но и о них польская послевоенная пропаганда прожужжала все уши. Посадку этих «дугласов» называли «операцией». Так появилась высокопарная легенда об операциях «Мост».

Польский журналист М. Воевудский, бывший аковец, в своей книге о польском вкладе в раскрытие тайны немецких ракет «Фау», посвятил целую главу одному из таких событий. Воевудский самым тщательным образом расписал каждый шаг аковцев в этой операции.

Когда мы встретились в Варшаве, я спросил:

– Пан Михал, вы так подробно описали все эти действия за несколько суток, и это очень интересно. А не возникал ли у вас вопрос: надо ли было посылать из Италии в Польшу тяжелый двухмоторный самолет, чтобы переправить союзникам две небольшие коробки, весом не более десяти килограммов каждая? Ведь у АК, по вашим же словам, было много способов высылать сообщения и посылки в Лондон. Они даже людей очень легко переправляли в Швецию...

Этот наш разговор состоялся еще до выхода в свет окончательной версии книги пана Воевудского «Акция «V-1», «V-2». К моменту нашей беседы читатели получили лишь небольшой дайджест этого произведения, что-то вроде рекламного проспекта, правда, изданного на нескольких языках.

Пан Михал как-то сразу посерьезнел, отодвинул в сторону груды газетных корректур – он в то время занимал очень хлопотный пост главного редактора популярной варшавской газеты «Экспресс вечерный» – и медленно произнес:

– Да, верно, все это выглядит несколько искусственно. Думаю, что в полной версии книги придется написать всю правду... Теперь это уже возможно...

И вот что я услышал:

– Тот полет из Италии двухмоторного «DC-3», больше известного как «дуглас», носил криптоним «Мост-3» и был всего лишь третьим за два года полетом союзников с посадкой на полевом аэродроме в Польше.

Англичане не хотели рисковать, и то, что они нам посылали, предпочитали сбрасывать на парашютах. Впрочем, посылали они не так уж и много...

Но на этот раз дело оказалось особенным. Участникам польского сопротивления удалось раньше немцев добраться до упавшего, но не взорвавшегося снаряда «Фау», и демонтировать несколько самых важных частей его системы управления.

Это были два радиоблока, довольно миниатюрные и легкие. Сравнительно быстро, еще в Варшаве, наши специалисты определили их назначение в системе управления «Фау» и частоты, на которых они работали.

О ценной добыче сообщили в Лондон. Англичане очень хотели как можно быстрее получить эти устройства и проси-

ли срочно переправить их на остров. Они обещали даже прислать за этой посылкой специальный самолет. Мы все были удивлены – что вдруг за срочность?

Но через несколько дней из зашифрованной переписки стало известно, что самолет, в основном, должен прилететь для того, чтобы забрать двух пассажиров – курьеров, как их называли в шифровке – и доставить их в Англию. Так что радиоустройства были, скорее, попутным грузом...

Всех нас интересовало: что это за таинственные пассажиры? Мы, конечно, понимали, что в военных условиях надо сохранять тайну, но у каждого из моих соратников в глазах застыл вопрос: кого это собираются переправить в Лондон и даже присылают специальный самолет?

Удивляло и то, что для охраны намеченного для посадки самолета места отряжались свыше четырехсот хорошо вооруженных партизан АК. Никогда до этого не принималось таких мер предосторожности.

С самим грузом проблем не было. Миниатюрные радиоаппараты еще в Варшаве поместили в самые обыкновенные баллоны для бытового газа и через всю Польшу повезли на юго-восток, в район Забже. Пришлось только обмотать металлические футляры аппаратуры тряпками, чтобы они не болтались в баллонах и не гремели.

Через некоторое время прибыли и первые курьеры с почтой, и «гости». Так называли людей, которые должны были вылететь в Лондон.

Прибывших встречали на станции Ленг специальные люди и на крестьянских телегах отвозили в деревеньку Забава, где их гостеприимно принял местный ксендз каноник Ситко.

Его радушие было вполне объяснимо. Гостей он узнал. Одним из прибывших был Томаш, он же известный довоенный политический деятель Томаш Арцишевский.

Его англичане планировали держать в своем рукаве, чтобы в нужный момент заменить премьера Миколайчика. Старый принцип: не класть все яйца в одну корзину – соблюдался в Лондоне свято.

Так оно и произошло. Через несколько месяцев Арцишевский стал следующим премьер-министром польского эмигрантского правительства.

Вторым был Юзеф. Это псевдоним взял себе доктор Юзеф Ретингер, бывший посланник в Москве, который после разоблачения его шпионской деятельности в пользу англичан вместе с послом Котом вынужден был с позором покинуть СССР.

Это были уже довольно пожилые и не очень здоровые люди, но с не ослабленными политическими амбициями. Они еще рассчитывали показаться на политической сцене. Англичанам это было хорошо известно, они давно сотрудничали, поэтому поляков решили переправить в Лондон и держать в запасе.

«Дуглас» прибыл вовремя и совершил посадку на незнакомой площадке просто образцово. Впрочем, это неудиви-

тельно. Встречавшие хорошо подготовились, зажгли множество костров, и были даже яркие керосиновые лампы.

Не учли только одного. Недавние дожди настолько размочили землю, что, начав разбег при взлете, тяжелая машина сразу же увязла в грунте по самые ступицы колес.

Несколько часов бились над тем, чтобы освободить увязнувшее в вязкой почве шасси и дать экипажу возможность взлететь. Ничего не получалось.

Тогда экипаж, достаточно флегматично наблюдавший за усилиями поляков, предложил просто сжечь самолет.

И тут у Арцишевского и Ретингера началась истерика. Они посчитали, что все уже кончено, и вот-вот появятся немцы, чтобы захватить этих видных политиков, гордость и надежду борющейся Польши.

С трудом их выволокли из самолета, отпоили водой, успокоили. Но усилия по спасению машины не прекращались. Солдаты разобрали какой-то старый сарай и из его досок выложили под колесами дорожки.

Политиков и два свертка с радиоаппаратурой от «Фау» снова погрузили в самолет. Моторы взревели. На этот раз получилось. Тяжелая машина взлетела и взяла курс на Италию...

Теперь у англичан был надежный «запасной игрок» в польском эмигрантском правительстве.

Накануне начала

Началась усиленная подготовка к Варшавскому вооруженному восстанию. Она продолжалась довольно долго. Из Англии небольшими партиями доставлялись боеприпасы и вооружение, которые сбрасывались на парашютах и затем размещались в тайных складах.

Цели восстания были четкими и конкретными: не только захватить город и удерживать несколько часов до занятия его частями Красной Армии; первоочередным заданием был захват помещений правительства и министерств. После освобождения Варшавы сюда должно было немедленно прибыть польское эмигрантское правительство во главе с Миколайчиком.

Руководящая роль в планируемом восстании принадлежала организации АК, остальные же организации сопротивления, в том числе и демократические, не были в курсе событий.

В момент вступления Красной Армии в город восставшие должны во всеуслышание объявить, что власть в столице, да и во всей стране, принадлежит эмигрантскому польскому правительству в лице Армии Крайовой.

Правда, как вспоминали после войны уцелевшие участники восстания, никакого конкретного плана боевых действий разработано не было.

Это и подтвердилось в первые же часы восстания. Не заняли ни одного вокзала, не взорвали железнодорожные пути, дав немцам возможность свободно использовать их весь период восстания.

Не были заняты мосты, Костюшковская набережная вдоль Вислы и автострада вдоль реки оставлены в немецких руках. Словом, не занято ни одного пункта, имеющего стратегическое значение.

Почти на всех улицах города были построены баррикады. Но строило их гражданское население, в большинстве случаев без военного руководства. Баррикады не были укреплены, часто безо рвов, и для танков не представляли никакого препятствия; использовать их можно было только для защиты от ружейного огня, которого почти не было, потому что немцы пехоту в атаку не посылали.

Вооружение отрядов АК состояло в лучшем случае из автоматов и винтовок, а очень часто – из одних пистолетов и гранат. Во многих отрядах вооружена была только некоторая часть солдат, остальные ждали момента, когда после ранения или смерти товарища смогут получить его оружие. Станковых и ручных пулеметов почти не было.

По разным сведениям, явно завышенным, на момент начала восстания командование АК располагало в Варшаве примерно 16 тыс. человек, а вооружения, причем исключительно так называемого личного оружия, имелось лишь для 3,5 тысячи. Боеприпасов было только на несколько дней

борьбы...

21 июля 1944 года командующий Армией Крайовой генерал Коморовский издал приказ о состоянии ожидания сигнала к восстанию с часа ночи 25 июля. Это решение было утверждено в ночь с 23 на 24 июля Главной комиссией Рады Едности Народовой (Совет национального единства).

Польские лондонцы больше всего боялись, как бы Красная Армия и Войско Польское не вошли первыми в Варшаву и не оставили их не у дел.

Вопрос о восстании в Варшаве стал предметом совещания эмигрантского правительства в Лондоне 25 июля 1944 года, которое приняло решение передать высшему политическому представителю польского эмигрантского правительства в оккупированной Польше право начать восстание в любой выбранный им момент.

Но в те дни лондонцы решили подстраховаться и с еще одной стороны. Одним из последних шагов делегата Янковского, председателя РЕН Пужака и генерала Коморовского перед назначением окончательного момента начала восстания была передача в Лондон 28 и 30 июля двух радиogramм. В первой предлагалось направить в Польшу либо миссию, либо наблюдателей западных государств с аккредитацией их при «экспозитуре правительства».

Во второй депеше содержалось требование признать администрацию, созданную Делегатурой, «польской секцией АМГОТ» (Военная администрация на занятых войсками со-

юзников территориях), то есть военной администрацией для территорий, оккупированных западными державами, а АК считать составной частью западных союзных армий.

Предлагалось, кроме того, отдать под опеку «англосаксонских органов» лиц, задержанных советскими властями.

Готовность буржуазных политиков взять на себя роль оккупационной администрации западных держав в собственной стране должна была остаться в рамках конфиденциальной шифрованной радиопереписки. Содержание этого документа было известно лишь узкому кругу лиц и держалось в тайне даже от самых доверенных людей. Это было свидетельством умонастроений и морали людей, принимающих решение о вооруженном выступлении в столице Польши.

Польский посол Э. Рачинский уже на следующий же день передал текст последней депеши правительству Великобритании. Ответа не последовало. Англичане к тому времени приобрели достаточный опыт в общении с польскими эмигрантами.

Знали они и о неистребимой тяге поляков-эмигрантов к контактам с немцами.

Это их не удивляло.

Это было не ново.

Этого даже ожидали.

В свое время Юзеф Бек, ставший варшавским министром иностранных дел, спокойно продавал абверу французские военные секреты. Он был тогда польским военным атташе в

Париже. За это его и выслали.

Официально, правда, объявили, что господин Бек высылается из французской столицы за некоторые недоразумения в ходе карточной игры... Французы учли, что скандальный офицерик был любимчиком Пилсудского.

А генерал Коморовский, находясь в подполье, каким-то образом сумел «принять участие» в немецком «расследовании» Катынского расстрела. Видимо, в связи с этим Гиммлер и освободил из плена сына Миколайчика. Как говорится – услуга за услугу!

Это было совсем недавно. Впрочем, британская разведка тоже приложила к этому руку. В марте сотрудница аппарата Миколайчика Мария Гулевич, работавшая в английской разведке в Будапеште, помогла переправить Миколайчика-младшего в безопасное место. Она же связалась с венгерской разведкой, которая просила у Коморовского людей для разведки в тылу советских войск.

* * *

О прогерманских симпатиях польского руководства откровенно писали и польские газеты, издающиеся в США. Уже после Тегеранской конференции какая-то польская эмигрантская газета в Нью-Йорке давала совет: «Не следует мешать немцам делать их predetermined провидением дело – дело истребления русского племени...»

Значит, власти США не осуждали таких настроений, если позволяли печатать подобные вещи.

Люди в Лондоне, принимавшие решение о восстании, знали, что, в силу договоренности между руководителями стран антигитлеровской коалиции, территория Польши входит в оперативную сферу советских войск и что повстанцы не получат реальной помощи с Запада. Но это их не остановило.

Прилетевший 26 июля (до начала восстания) в Варшаву из Лондона эмиссар генерала Соснковского Ян Новак лишь на третий день информировал генерала Коморовского, генерала Пельчинского и других руководителей АК, что они не могут рассчитывать на сбросы оружия и высадку польской парашютной бригады.

А ведь высадка польских десантников в Варшаве была хрустальной мечтой лондонских польских политиков!

Но это не повлияло на окончательное решение командования АК. Хотя от рядовых сторонников правительства в стране скрывалось, что 29 июля британские военные власти отказали в какой-либо помощи Варшавскому восстанию, если бы таковое вспыхнуло. Но это известие дошло до Варшавы только 6 августа 1944 года.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.